

УДК 821.161.1-311.6.09(045)

*Ю.Н. Серго***РОМАН Т. КИБИРОВА «ГЕНЕРАЛ И ЕГО СЕМЬЯ» КАК «ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ»
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В статье рассматриваются различные уровни текста романа Тимура Кибирова «Генерал и его семья» в аспекте пушкинской традиции. Анализируется обращение автора к пушкинской традиции на уровне создания образа главного героя, внешнего структурирования текста, стиля авторских отступлений («болтовни»), идеи создания «энциклопедии советской жизни». «Исторический роман» Т. Кибирова обнаруживает в своей основе пушкинский принцип изображения исторических событий сквозь призму частной жизни, структурные, стилистические и философские особенности, продолжающие поэтику романов А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин». Все это позволяет сделать вывод о том, что роман «Генерал и его семья» может быть исследован как часть «пушкинского текста» современной русской литературы.

Ключевые слова: Пушкинский текст, современная русская литература, ирония, традиция, литературоцентризм.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-377-383

О пушкинской традиции в творчестве Т. Кибирова написано довольно много [2-6; 8; 13]. Еще в 2001 году Андрей Немзер озаглавил свою рецензию на сборник Кибирова «Тимур из пушкинской команды» [8, с. 287-302]. Анализируя сюжет отношений автора и его лирического героя с Пушкиным в лирике Кибирова, А. Немзер обращает внимание на осознанность, выстраданность этих отношений. До понимания Пушкина, по мнению Кибирова, необходимо дорасти. Мудрость жизненной и творческой философии Пушкина осознается Кибировым с годами и определяет дальнейшее развитие его творчества. Попробуем проанализировать, как пушкинская традиция формирует текст первого на сегодняшний день прозаического произведения поэта.

Роман начинается с попытки прямо на глазах читателя создать образ главного героя – генерала Бочажка. Процесс «работы над образом» выявляет глубинную связь авторского сознания с пушкинским мировоззрением¹. Иронически сокрушаясь, что его герой не соответствует высокому героическому канону, автор констатирует, что другого героя у него нет, он, в некоторой степени, сам является заложником своей эпохи:

«Вот те и магический кристалл! Вот тебе и Годунов-Чердынцев, и Айвенго, и Петруша Гринев с Максимом Максимовичем! Не говоря уже о мистере Пиквике и се Рипичипе.

Так-то вот. Никаких тебе, старичок, снусмуриков, даже не мечтай, рылом не вышел, тебе вот это вот, похоже, всю жизнь разгребать и обонять» [7, с. 9].

Материал, «данный автору в ощущении», сопротивляется литературной традиции. Автор не свободен, он стиснут рамками своего жизненного опыта, его «магический кристалл» не может полностью преобразить сюжет и образы в соответствии с традицией. Сожаление о невозможности следовать «литературным образцам», конечно, не лишено лукавства: здесь Т. Кибиров, как некогда Пушкин, намеренно отступает от традиции, пародируя ее. «Неэстетический герой» - дань пушкинской традиции и одновременно игра с ней: главным героем исторического романа, показывающего историю «домашним образом», становится не Петруша Гринев, а его отец, в отношении к которому у Пушкина, безусловно, присутствует элемент иронии, как к человеку уходящей эпохи. Но при этом, опять же как у Пушкина, в человеке ушедшей эпохи автору видятся черты, связывающие его с вечными ценностями. У Пушкина это завет «Береги честь смолоду», у Кибирова же в том же ключе звучит замечание: *«Ибо был наш генерал не Скалозубом, а Стародумом» [7, с. 74].*

«Поведение» героя в тексте также заставляет вспомнить о пушкинской традиции, ведь генерал «домогается воплощения», как будто выходя из-под воли автора, как некогда пушкинская Татьяна, которая «взяла да и вышла замуж». Тот же пушкинский принцип применяет автор и к главной героине, дочери генерала Анечке:

¹ По мнению Ю. Тынянова, предметом романа в «Евгении Онегине» является сам роман: «с этой точки зрения «Евгений Онегин» – не роман, а роман романа» [12, с. 58].

«Ну вот опять! Снова-здорово! Снова все смешалось в доме Бочажков. Снова моя дрянная героиня свела на нет многостраничные усилия оправдать ее и приукрасить» [7, с. 393].

Другой пушкинский образ, переосмысленный Кибировым при создании романного героя, это «царь-отец» из «Сказки о царе Салтане...»:

*Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья» [9, с. 314].*

Сюжетно и поведенчески генерал Бочажок близок царю Салтану: гнев обоих связан с рождением ребенка, и тот и другой сначала гневаются, а потом смягчаются, проявляя милосердие. В романе «царь-отец» выступает в роли деда, в котором просыпается осознание счастья от рождения внука или внучки, что способствует смягчению нрава «жестокоего деспота»:

«И тут только, только в эту минуту генерал наконец дотумкал! Да ведь и правда! Ведь так и есть! Внук или внучка! Именно что – внук или внучка! Дело-то не в Анечкином недостойном поведении, не только в нем и не в позоре на седую голову и генеральский мундир! Дело вон в чем! Внук. Ну ни хрена себе! Анька и в самом деле родит живого человека.

– Ну а вы что думали – неведому зверушку?

– Да ничего я не думал, и в голову не приходило!.. Внук. Родится, будет жить. Тьфу-тьфу-тьфу!

Как-то это все чудно. Ничего не было – и внук. Или внучка. Надо же! А я, выходит, дед. «Санки сделал старый дед маленькому Ване, пес Буян пришел смотреть, как несутся санки!» – так Анечка в детском саду пела и все не могла и не хотела спеть «сани», и правильно, какие сани, дед санки ведь сделал. Именно – дед. Дедушка Вася. Смешно» [7, с. 61-62].

Таким образом, важнейшая для Пушкина тема милосердия постепенно проявляется в романе и формирует образ главного героя. Последний принимает неизбежное, что неожиданно рождает в его душе новое чувство.

Роман Тимура Кибирова озаглавлен в традициях русских «и-романов» XIX в., но при этом в большей степени структурно и содержательно ориентирован не на «Отцов и детей» или «Войну и мир», а на «Капитанскую дочку» и «Евгения Онегина». Кибирову свойственна пушкинская любовь к эпиграфам, предваряющим каждую главу, да и в сюжетно-образной структуре романа прочитывается связь с «Капитанской дочкой», которую заменяет генеральская дочка, чей образ не менее, если не более важен для автора в системе героев, чем генерал Бочажок. Правда, у героини гораздо больше общих черт с Татьяной из «Евгения Онегина», нежели с Машей Мироновой. С Машей героиню роднит твердость характера, унаследованная от отца, положение единственной дочери-любимицы отца.

Татьяна, «бродящая» с «опасной книгой» вдаль от сверстников, безусловно, важнее для понимания сути героини Кибирова, ведь реальность для нее, как и для героини Пушкина, определяется через текст, что вызывает иронию у каждого из авторов. «Обманы и Ричардсона, и Руссо» заменяют Анечке стихи Ахматовой, которой она стремится подражать даже внешне:

«Анечкино преображение вскоре заметили все. Ну начнем с того, что она без спроса постриглась, указав соседке Риммы Геннадиевны, подрабатывающей стрижкой и завивкой, в качестве образца портрет кисти Петрова-Водкина, вырезанный библиотекаршей из какого-то журнала.

Результат Аню не удовлетворил, и она всерьез подумывала о том, чтобы перекраситься в черный цвет, но в итоге все-таки не решилась. Она и так получила изрядную нахлобучку и от матери, и даже от отца, огорченного гибелью дочкиной толстенной косы.

Но метаморфозы, достойные Овидиева пера (или стилоса? чем они там писали?), только начались. К весенним каникулам озорница, болтушка и плясунья преобразилась в молчаливую, томную и дичающуюся школьных забав гостью из прошлого.

Вместо белозубого хохота явились какие-то загадочные и заносчивые хмыканья и усмешки, вместо страстных споров и душевных бесед – одинокие блуждания по занесенному пургой поселку» [7, с. 102-103].

Преображение героини в «одинокую молчаливую дикарку» делает ее еще более похожей на Татьяну Ларину. Подражая Ахматовой, героиня на самом деле подражает пушкинской Татьяне, становясь чужой своей семье и ровесникам.

Остановимся подробнее на соотношении кибировского романа с «Евгением Онегиным». Здесь можно говорить о многоуровневых формальных и содержательных перекличках. Например, идея связи с романом в стихах поддерживается в романе Т. Кибирова способом набора текста, который необычно «не плотен» внешне для прозы: короткие абзацы, большие интервалы... По форме текст напоминает «роман в стихах», имитируя поиски автором своей «строфы», подобной «онегинской». Здесь также можно усмотреть намек на еще одну, житейскую, пушкинскую традицию: большие интервалы, «пустоты» как бы намеренно искусственно завышают объем, расширяют его, напоминая о пушкинских «пустотах» в тексте и, в частности, историю о том, как Пушкин брал деньги с издателей за пропущенные строки.²

Идея создания романа на глазах у читателя, которая тоже идет от Пушкина, воплощается и в романе Т. Кибирова. Пушкинское отношение к собственному тексту, как к уже чему-то свершившемуся, представлено в конце первой главы «Евгения Онегина»:

*Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу [10, с. 34].*

Кибиров, вслед за Пушкиным, комментируя свой только что созданный текст, замечает:

«Господи! Да ведь эта же глава должна была быть о знакомстве Анечки с Анной Андреевной! И эпиграф ведь для этого был подобран. Какие на хрен торбаса и техасы, какой Багрицкий и бельканто?! Ну да ладно, что ж теперь делать? Вычеркивать жалко. Зато следующую главу прямо с Ахматовой и начнем» [7, с. 81].

Безусловно, роман Кибирова претендует и на определение «энциклопедии русской жизни». Ведь и вышеупомянутые торбаса, и техасы, и Багрицкий, и бельканто появились в романе не по рассеянности и небрежности автора, как он пытается это представить, а для того, чтобы тесно связать судьбы героев с русской жизнью в определенной эпоху:

«Что же касается времени, обозначим его так – где-то между празднованиями столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина и шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции» [7, с. 21].

Эпоха, обозначенная автором, это так называемый период застоя, 70-е гг. XX в. В «энциклопедии русской жизни» Т. Кибирова представлена, в первую очередь, русская культура второй половины XX в. – от детской и массовой до элитарной. Безусловно, основная черта этой культуры – литературоцентризм, и эта черта всесторонне обсуждается в тексте романа:

«Сейчас речь пойдет о книгах.

Анечка ведь принадлежала к последнему поколению (ну, может, предпоследнему), которое воспитано было не столько семьей и школой, сколько изящной словесностью и для юных представителей которого было в порядке вещей ночь напролет втайне от взрослых задышаться и потеть, укрывшись с головой одеялом и освещая потрепанные библиотечные страницы карманным фонариком, чтобы поскорее узнать, как же выкрутится Морис-мустангер из коварной западни, или что станет с Реми, собачками и обезьянкой после смерти синьора Виталиса, или кто же такой этот таинственный, могучий и немного смешной Черный рыцарь.

Да-да, родителям тогда приходилось следить, чтобы дочки-сыночки хоть на время еды и сна отрывались от книжек, и выражение «читать запоем» предельно точно описывало то наркотическое состояние, в котором пребывали тогдашние мальчики и девочки. И нисколько я не преувеличиваю.

Да, конечно, не все советские ребята были такими вот оголтелыми книголюбями, но процентов 40 как минимум. А то и все 50.

² Ю.Н. Тынянов впервые поставил вопрос о смыслообразующей функции пропущенных строк у Пушкина [12, с. 58-62].

Среди детей промышленного пролетариата и колхозного крестьянства доля тех, кому рано понравились романы заменяли почти что все, была, наверное, поменьше, в семьях трудовой интеллигенции, конечно же, намного больше, а вот из отпрысков офицеров, генералов и сверхсрочников влюблялась в обманы и Дюма-отца, и Фенимора Купера, и всей «Библиотеки приключений» приблизительно половина, во всяком случае, если судить по тем гарнизонным школам, где я сам учился» [7, с. 28].

Жизнь всех главных героев романа Кибирова связана с литературой. Степка, младший брат главной героини, в котором проскальзывают автобиографические черты, жадно читает книги из серии «Библиотека приключений». Анечка влюблена сначала в классическую литературу, потом в полузапрещенную и запрещенную. Случайно подаренная матери антология русской поэзии рождает сюжет судьбы героини. Не встреча с возлюбленным, а прочтение нескольких строк оказывается для нее роковым событием. Мама Анечки и Степки, Травиата Захаровна, любит современную советскую поэзию. Только главный герой, на первый взгляд, чуждается литературы. Его главный враг – Ахматова, которая навсегда разлучила его с дочерью:

«Василий Иванович обиделся ужасно. И не только и не столько за советскую власть и коммунистическую партию, сколько за себя, всю жизнь баловавшего и обожавшего эту сопливую антисоветчицу. Главное – за что? Что он сделал-то? А все она, Ахматова эта, все с нее, гадины, началось!» [7, с. 20].

Литература, даже не любимая, отрицаемая генералом, продолжает влиять на его жизнь. Он пытается спастись от литературоцентризма, надев наушники. Для Василия Ивановича текст – лишь жалкий придаток мелодии, он воспринимает не поэзию, а либретто. Но так же, как его любимая дочь готова жертвовать своим благополучием из-за Ахматовой, за оскорбление любимого Чайковского он едва не убивает своего замполита. Он слушает и любит отнюдь не революционную музыку, а классическую. Это единственный в романе герой, для которого мелодия важнее слова, и все, что с ним происходит, он оценивает не через поэтический, а через музыкальный контекст: увидев свою дочь беременной, он ощущает в себе гнев Риголетто, в ожидании встречи с любимой дочерью слышит арию Мельника из «Русалки»:

«Музыкальным аккомпанементом для своего радостного и тревожного ожидания генерал выбрал (он всегда что-нибудь про себя мурлыкал и мычал) арию Мельника из оперы Даргомыжского:

*Ох, то-то все вы, девки молодые,
Посмотришь, мало толку в вас!
Упрямы вы, и все одно и то же
Твердить вам надобно сто раз!*

Неудачный выбор, надо сказать, и предзнаменование недоброе. Вспомнил бы, чем там у них все обернулось и что напоследок запел этот ворон здешних мест.

Но генерал ничего такого не думает и не боится... [7. С.20-21]

Литературное слово, в том числе и пушкинское, влияет на жизнь генерала скрыто, через музыкальный контекст. Но, возможно, значимым в авторской концепции является и обратное – выход главного персонажа за рамки литературы в музыку – это делает его уникальной фигурой, поднимает над временем, объясняет необычную для генерала душевную организацию, способность к пониманию и прощению.

Наряду с духовной в романе присутствует другая важная часть русской жизни – быт. Он многогранен, подробен, изобилует редкими и знакомыми каждому свидетелю эпохи деталями и образами. Анализ этой части «энциклопедии русской жизни» мог бы стать предметом отдельного рассмотрения. Остановимся несколько подробнее на образе дома, который представлен в разных вариантах: «генеральский» – многоквартирная высотка, съемная хата, барак – место прежнего проживания героев. Ни один вариант не значим с точки зрения традиции русской литературы. Это не очаг, согревающий своим теплом несколько поколений, не часть высокой культуры. Но дом – знак времени и часть судьбы героев, и самым значимым и символичным оказывается, конечно, барак:

«Я хорошо помню и этот клуб, и этот барак. Первое время в Тикси мы жили именно там. Для мамы, наверное, это было кромешным адом: четыре человека в одной комнате, вода привозная, ее доставляет машина с цистерной, и весь барак бегают с ведрами и наполняют металлические бочки, стоящие в коридоре у каждой двери, туалет общий в неотопливаемом предбаннике (я его описал потом в дидактической поэме «Сортиры», там вообще много про Тикси), кухня тоже общая с керосинками и керогазами (примусов не помню), под потолком в углу нашей комнаты мыши прогрызли дыру в обоях и высовывают наглые мордочки, а за стенами мрак, стужа и вой пурги. Вот не помню и не могу

сообразить: а где мама стирала? На кухне, что ли? И как же весь этот ужас мне, десятилетнему, нравился, каким все казалось интересным и необычайным, так что, когда нам наконец дали нормальную двухкомнатную квартиру в этой новой пятиэтажке, я был ужасно огорчен» [7, с. 90-91].

Именно пространство барака объединяет автора и его героев, делает явным скрытый биографический подтекст. Барак универсален, его жизнью испытаны все – от будущего генерала до вдовой библиотечарши, разрешившей Анечке впервые прочесть в его стенах поэму Ахматовой «Реквием». Барак предстает как крошечный ад и как уголок детского рая, как тайное прибежище гонимого, запрещенного слова, которому не место во дворцах. Он – часть истории и культуры советской цивилизации, и в этом сопоставим с дворянским домом, который предстал частью культуры XIX в.

Еще один важный аспект пушкинской традиции – «болтовня». Знаменитое пушкинское замечание «роман требует болтовни» [11, с. 14] реализуется Кибировым в разных формах. Автор намеренно стилизует свое слово под болтовню, рассказывая анекдоты, ведя диалог с читателем, повествуя о своих героях. О смысле и значении этой пушкинской традиции у Кибирова уже писала Г.Л. Гуменная в статье «“Болтовня” и повествовательная манера в поэме Т. Кибирова “Сортиры”» [3]. Она завершается развернутым выводом, указывающим на ряд причин, по которым Кибиров обращается к этому приему: «“Болтовня” в поэме Кибирова – это и противовес гладкости «фени» советской эпохи, и непринужденно-интимное бесцензурное дружеское высказывание, и бескорыстное самовыражение поэта, в котором возможно органично соединить заведомо “низкое” и бытовое с “высоким” и вечным, она позволяет поэту воскресить и продолжить пушкинскую традицию...» [3, с. 162]. Здесь же приводится цитата из интервью самого Т. Кибирова, где он говорит об отношениях со своими читателями: «Я не вещаю – я болтаю... Для меня до сих пор важно, что я перед своим читателем не важничаю» [3, с. 156-157].

Безусловно, «болтовня» в романе сохраняет все перечисленные функции, создает впечатление непринужденного общения с читателем-другом, который понимает автора с полуслова, но здесь ее разностильность и разноплановость служат еще одной важной задаче – созданию широкого исторического контекста. Роман становится историческим именно благодаря многочисленным отступлениям от прямого сюжета, которые стилистически могут быть оформлены как непринужденная беседа с читателем, рассказанный вскользь забавный случай, процитированный автором исторический документ, уход в сторону от темы как бы по рассеянности. Таким образом, частная история семьи 1970-х гг. обрастает контекстом, который представляет собой историю страны уже не в одном десятилетии, а практически на протяжении всего XX в. Перед грозной правдой XX в. автор теряет свое биографическое, интервью-лицо. Лицом к лицу со страшной историей он сбрасывает маску автора - равного читателю собеседника:

«И поскольку моя воля хотя бы на этих страницах является единственным формообразующим принципом, я в слепой надежде втемляю в голову читателя, что такое хорошо, и что такое плохо, помещаю в книжку отрывки и из этого документального кошмара. А композиционная стройность и стилистическая сообразность пусть идут лесом.

Слушайте, детишки» [7, с. 177]

Отметим, что интертекстуальная игра с цитатами из Маяковского в контексте дальнейшего обращения автора к книге «Красный террор» С.П. Мельгунова лишь подчеркивает противоположность взглядов автора романа взглядам «агитатора, горлана, главаря» и заставляет вспомнить о трагической концепции русской истории в «Борисе Годунове».

Как видим, роман Тимура Кибирова содержит в своей структуре множество элементов «пушкинского текста», что свидетельствует о его несомненной значимости для автора «Генерала и его семьи», укореняет этот роман в литературном контексте и демонстрирует преемственные связи современной русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // Art Logos (Искусство слова). 2023. № 4. С. 93-107.
2. Богданова О.В. «Пушкин – наше все.»: Литература постмодерна и Пушкин. Научная монография. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 237 с.
3. Гуменная Г.Л. «Болтовня» и повествовательная манера в поэме Тимура Кибирова «Сортиры» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 156-163.
4. Гуменная Г.Л. Пушкинская жанровая традиция в поэзии Тимура Кибирова (поэма «Сортиры») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6-2. С. 44-51.

5. Елина Е.Г. Жанровые модификации и «поиски жанра» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, № 2. С. 192-198.
6. Загидулина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001. 329 с.
7. Кибиров Т.Ю. Генерал и его семья: исторический роман. М., 2020. 624 с.
8. Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. Москва, 2003. 608 с.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М., 1960. 539 с.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1960. 595 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М., 1962. 494 с.
12. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.В. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 52-78.
13. Шапир М.И. Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон – Пушкин – Тимур Кибиров) // Philologica. 2005. Т. 8. № 19-20. С. 91-174.
14. Шеметова Т.Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 201-206.

Поступила в редакцию 07.10.2023

Юлия Серго, кандидат филологических наук, доцент
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: julsergo42@gmail.com

Yu.N. Sergo

T. KIBIROV'S NOVEL "THE GENERAL AND HIS FAMILY" AS THE "PUSHKIN TEXT" OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-377-383

The article examines the various levels of the text of Timur Kibirov's novel "The General and his Family" in the aspect of the Pushkin tradition. The author's appeal to the Pushkin tradition is analyzed at the level of creating the image of the main character, the external structuring of the text, the style of author's digressions ("chatter"), the idea of creating an "encyclopedia of Soviet life". T. Kibirov's "Historical Novel" reveals at its core the Pushkin principle of depicting historical events through the prism of private life, structural, stylistic and philosophical principles that continue the poetics of Pushkin's "The Captain's Daughter" and "Eugene Onegin" novels. All this allows us to conclude that the novel "The General and his Family" can be studied as part of the "Pushkin text" of modern Russian literature.

Keywords: Pushkin text, modern Russian literature, irony, tradition, literary-centricity.

REFERENCES

1. Abramova V.I., Arxangel'skaya Yu.V. Znachenie Pushkina dlya russkoj kul'tury: mifologema i ee reprezentacii v fol'klore Runeta [The significance of Pushkin for Russian culture: the mythologeme and its representations in the folklore of the Runet] // Art Logos (Iskusstvo slova). 2023. № 4. S. 93-107.
2. Bogdanova O.V. «Pushkin – nashe vse.»: Literatura postmoderna i Pushkin. Nauchnaya monografiya. ["Pushkin is our everything.": Postmodern Literature and Pushkin. Scientific monograph]. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SGTbGU [Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University]. 2009. 237 s.
3. Gumennaya G.L. «Boltovnya» i povestvovatel'naya manera v poe'me Timura Kibirova «Sortiry» ["Chatter" and narrative style in Timur Kibirov's poem "Toilets"] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny'e nauki [Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities]. 2011. № 2 (90). S. 156-163.
4. Gumennaya G.L. Pushkinskaya zhanrovaya tradiciya v poe'zii Timura Kibirova (poe'ma «Sortiry») [Pushkin's genre tradition in the poetry of Timur Kibirov (poem "Toilets")] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2009. № 6-2. S. 44-51.
5. Elina E.G. Zhanrovye modifikacii i «poiski zhanra» v romane Timura Kibirova «General i ego sem'ya» [Genre modifications and "genre searches" in Timur Kibirov's novel "The General and his Family"] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism]. 2022. Т. 22. № 2. S. 192-198.
6. Zagidullina M.V. Pushkinskij mif v konce XX veka [The Pushkin myth at the end of the twentieth century]. Chelyabinsk, 2001. 329 s.

7. Kibirov T.Yu. General i ego sem`ya: istoricheskij roman [The General and his family: a historical novel]. Moskva, 2020. 624 s.
8. Nemzer A.S. Zamechatel`noe desyatiletie russkoj literatury` [A remarkable decade of Russian literature]. Moskva, 2003. 608 s.
9. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij [Collected works]: v 10 t. T. 3. M. 1960. 539 s.
10. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij [Collected works]: v 10 t. T. 4. M. 1960. 595 s.
11. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij [Collected works]: v 10 t. T. 9. M. 1962. 494 s.
12. Ty`nyanov Yu.N. O kompozicii «Evgeniya Onegina» [About the composition "Eugene Onegin"] // Ty`nyanov Yu.V. Poe`tika. Istorija literatury`. Kino [Poetics. The history of literature. Movie]. M.: Nauka [Science], 1977. S. 52 -78.
13. Shapir M.I. Semanticheskie leitmotivy` iroi-komicheskoy oktavy` (Bajron – Pushkin – Timur Kibirov) [Semantic leitmotives of the Ironic octave (Byron – Pushkin – Timur Kibirov)] // Philologica. 2005. T. 8. № 19-20. S. 91-174.
14. Shemetova T.G. Pushkinskij mif: funkcionirovanie v sovremennoj literature [The Pushkin Myth: Functioning in Modern Literature] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2010. № 10. S. 201-206.

Received 07.10.2023

Sergo Yu.N., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: julsergo42@gmail.com